

УДК 81'255.4

Н.А. Калошина

С.О. Алексеева

А.А. Дегтярёва

*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ИЗУЧЕНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПЕРЕВОДА ЧЕРЕЗ
СРАВНЕНИЕ ДВУХ ПЕРЕВОДОВ ОДНОГО ТЕКСТА**

Исследуются экстралингвистические факторы, воздействующие на результат перевода, и демонстрируется эффективность их изучения через сравнение двух переводов одного и того же текста.

Ключевые слова: исследование перевода, сравнение переводов, экстралингвистические аспекты перевода, варианты перевода, восприятие художественного текста.

Будучи одним из сложнейших видов человеческой деятельности, перевод протекает под воздействием множества факторов — как лингвистических, так и нелингвистических. К первым современные исследователи перевода относят, прежде всего, конкретные трудности исходного текста и различия в особенностях строя двух языков [1, 2], а ко вторым — компетенцию, жизненный опыт, личностные особенности и предпочтения переводчика, а также особенности окружающей его действительности, включая политический строй и условия жизни [3, 4, 5].

И хотя целенаправленное изучение этих факторов имеет долгую, как минимум полувековую историю, оно и сегодня по-прежнему привлекает внимание исследователей: ведь вопрос этот тесно связан с вопросом о качестве перевода, и возвращение к нему на каждом новом витке развития науки о переводе помогает исследователям лучше понять механику самого переводческого процесса, практикам — повышать качество собственных переводов, а преподавателям перевода — готовить настоящих профессионалов, способных принимать взвешенные решения. Именно стремление к профессиональному совершенствованию обусловило в нашем случае выбор направления исследования: изучение экстралингвистических факторов, влияющих на результат перевода.

Продумывая методику исследования, проводившегося в рамках написания квалификационной работы бакалавра, мы пришли к выводу, что эффективным инструментом изучения факторов, определяющих качество и особенности перевода, может стать сравнение двух переводов одного произведения, выполненных разными переводчиками. Преимущество такого подхода в том, что он дает возможность при анализе переводных текстов не учитывать влияние лингвистических составляющих перевода (достаточно хорошо изученных уже в 60е–70е годы прошлого столетия): ведь очевидно, что расхождения между переводами одного и того же текста будут объясняться именно экстралингвистическими причинами.

В качестве материала для сравнения мы выбрали два русскоязычных перевода романа Энтони Берджеса «Заводной апельсин» [6], выполненных Евгением Синельниковым [7] и Владимиром Бошняком [8] (исследование С. Алексеевой), и два перевода повести Ричарда Баха «Чайка Джонатан Ливингстон» [9], выполненных Андреем Сидерским [10] и Юней Родман [11] (исследование А. Дегтяревой). В настоящей статье мы постараемся описать примененные нами подходы и рассказать об основных результатах исследования.

Приступая к сравнительному анализу текста и двух переводов, мы сначала отобрали фрагменты текста, переводы которых заметно различались в структурном, лексическом и семантическом плане. Было отобрано по 149 фрагментов из двух переводов романа Э. Берджеса и по 180 — из двух переводов повести Р. Баха. Сопоставив переводы соответствующих фрагментов друг с другом и сравнив их с исходным текстом, мы выявили смысловые, структурные, лексические и стилистические различия между переводами и постарались проанализировать и классифицировать их причины.

При анализе причин мы частично опирались на выводы исследователей — в частности, Ю. Лотмана, В. Вилсса, В. Белянина [5, 12, 3], — обращавшихся к изучению неязыковых аспектов перевода, и на высказывания переводчиков-практиков, излагавших собственное видение проблемы в рамках известного интервью-проекта Е. Калашниковой [13]. Обобщив подходы, представленные в современной переводоведческой литературе и в высказываниях переводчиков, мы выделили три экстралингвистические предпосылки для различий в переводах, упоминаемые разными авторами чаще всего:

1. Разное понимание переводчиками авторского замысла.
2. Стремление переводчиков выразить в переводе собственные взгляды и убеждения.

3. Особенности творческой личности переводчиков.

Кроме того, мы постарались, насколько это было возможно в рамках ограниченного по объему исследования, углубить и расширить выделенные предпосылки, связав их с исследовательскими данными из других областей, а именно современной психологической науки и теории чтения.

Так, данные психологии, представленные, в частности, в трудах В.С. Ротенберга и В.П. Беянина [4, 3], не оставляют сомнений в том, что творческие проявления личности во многом определяются особенностями темперамента и другими личностными характеристиками творца, — следовательно, и многие переводческие решения и степень самовыражения переводчика в тексте будут неизбежно «завязаны» на личностные особенности переводчика. Доказано, что свойства характера находят свое отражение в речи, как устной, так и письменной. И хотя задача переводчика — прежде всего, точно передать на другом языке характер оригинала и максимально «подстроиться» под авторский стиль, все же речевые проявления его собственной личности будут неизбежно влиять на результат перевода. Можно предположить, например, что переводчику-экстраверту будет свойственна более высокая экспрессивность и стремление самовыразиться через текст перевода, в том числе через смысловые добавления, в то время как переводчик-интроверт будет по возможности придерживаться при переводе смысловой точности и стиля оригинала. В ходе нашего исследования мы постарались проследить за тем, в какой мере личностные особенности переводчиков определяли принимаемые ими решения на перевод.

Современные исследователи чтения, в свою очередь, акцентируют внимание на многоплановости любого, особенно художественного, текста и на многовариантности его восприятия. Художественные тексты всегда допускают возможность их различной трактовки. Ведь содержание художественного текста зачастую «настолько неоднозначно, что можно говорить о множественности содержаний» [3, с. 29]. Особенностью художественного произведения, считал Ю.М. Лотман, является его способность «выдавать различным читателям различную информацию — каждому в меру его понимания... именно ту, в которой он нуждается и к восприятию которой подготовлен» [5, с. 32]. Следовательно, разные читатели создают разные интерпретации одного и того же текста, извлекают из него разные смыслы. Переводчик на первом этапе своей работы есть не кто иной, как читатель художественного текста. Основное отличие между «обычным» читателем и переводчиком заключается в том, что последний должен в дальнейшем выразить свою интерпретацию текста посредством переводящего языка. Таким образом, одна из задач нашего исследования состояла в том, чтобы проанализировать расхождения на уровне интерпретаций текста и постараться объяснить причины этих расхождений.

Разное понимание переводчиками авторского замысла

Наше исследование подтвердило, что наблюдаемые различия между двумя переводами и в целом многообразие переводческих решений могут объясняться многочисленными расхождениями на уровне восприятия переводчиками исходного текста, которое, в свою очередь, связано с коммуникативной компетенцией и ценностными ориентациями самих переводчиков.

Так, сравнение двух русскоязычных переводов романа Э. Берджеса показало, что переводчики по-разному поняли, кого винит автор романа в жестокости главных героев: у Е. Синельщикова это общественная система, государство, превращающее своих граждан в зверей, у В. Бошняка — жестокость исходит от самих героев.

E. Burgess: *Great Poetry would like quieten Modern Youth down and make Modern Youth more Civilized* [6, с. 13].

Перевод В. Бошняка: *Великая Поэзия усмирила бы современную молодежь, сделав ее более цивилизованной* [8, с. 41].

Перевод Е. Синельщикова: *...она может исцелить и цивилизовать прекрасный мир истинного искусства* [7, с. 42].

Как видим, каждый из двух переводчиков при выборе переводческого решения для данного фрагмента исходит из собственной интерпретации прочитанного: для В. Бошняка герои — часть уродливого мира, типичные представители той действительности, которую следует усмирить, уничтожить, для Синельщикова же они — жертвы, которых сделала такими общественная система.

Столь существенные различия в трактовке контекста и понимании авторского замысла во многом обусловили и выбор лексических единиц, используемых для характеристики героев и их поступков на протяжении всего романа. Например, при описании одного из героев Э. Берджес использует прилагательное *dim*, переводчики же интерпретируют его по-разному: В. Бошняк в негативном ключе — *темный* (в значении глупый), Е. Синельщиков в более положительном смысле — *бесхитростный*. При этом можно сказать, что с учетом ближайшего контекста оба эти варианта вполне допустимы. На примере переводов фразы “*What sort of a world is it at all?*” [6, с. 5] мы также можем проследить разное понимание переводчиками замысла автора. Так, В. Бошняк здесь пишет: «*Что это за мир такой, я вас спрашиваю!*» [8, с. 19], Е. Синельщиков: «*Что случилось с миром?*» [7, с. 19–20]. Семантически оба перевода соответствуют оригиналу и, на первый взгляд, передают один и тот же смысл. Однако настроения здесь переданы прямо противоположные — герой В. Бошняка выражает неприятие

окружающей его действительности, обвиняет, Е. Синельщиков же передает грусть, сожаление, отчаяние персонажа.

В своем романе Э. Берджес использует прием транслитерации некоторых слов русского языка для создания собственного подросткового жаргона. Очевидно, что при появлении в английском тексте единиц, взятых из другого языка, их значение будет отходить от исходных словарных дефиниций, «преломляясь» о восприятие англоязычных читателей. Характер этого преломления, в полном соответствии с современными теориями чтения [3, 5], может не совпадать у разных читателей английского текста (например, знакомых и не знакомых с русским языком и культурой), и точно так же могут не совпадать и интерпретации переводчиков. Например, в авторском обороте “*all nuking of scent*” [6, с. 4] несуществующее слово *nuking* произведено от русского «нюх», которое в данном значении («пахнуть») никогда бы не было употреблено носителем русского языка. Широкое использование автором такой оригинальной модели словообразования заставляет переводчиков отказываться от передачи прямых значений слов и передавать те смысловые оттенки, которые они уловили в авторском неологизме. Ясно, что при этом каждый переводчик руководствуется собственным пониманием авторского замысла. В результате В. Бошняк снова придает фразе негативное звучание: «ощутив в ноздрях запах ее парфюмерии» [8, с. 16], в то время как перевод Е. Синельщикова лишен каких бы то ни было негативных оценок: «от нее так вкусно пахло французскими духами» [7, с. 17]. Следует отметить, что во всех вышеприведенных примерах в исходном тексте заложены возможности для разных трактовок, и расхождения в переводах не обязательно говорят о том, что один из переводчиков понял текст правильно, а другой нет: речь идет именно о разном понимании авторского замысла, которое возможно и при чтении текста на родном языке разными читателями-непереводчиками.

Аналогичные смысловые различия в понимании описываемой ситуации мы наблюдали и при сравнении двух переводов повести «Чайка Джонатан Ливингстон». Переводчики по-своему интерпретируют замысел автора, делая акцент на разных признаках одного и того же понятия:

R. Bach: *The other gulls looked at Jonathan with awe in their golden eyes* [9].

Перевод А. Сидерского: *Все стояли на берегу, и во взглядах их золотых глаз Джонатан читал почтительное восхищение* [10, с. 60].

Перевод Ю. Родман: *Чайки не могли отвести взгляда от Джонатана, в их золотистых глазах застыл ужас.* [11].

Оксфордский толковый словарь трактует слово «awe» как «feeling of respect and slight fear», переводчики же, не отклоняясь от семантики исходного слова, выбрали в рамках этой семантики два противоположных полюса. Ю. Родман перевела «awe» как «ужас», но не передана составляющая значения «respect», а в переводе А. Сидерского, наоборот, мы находим только «почтительное восхищение», при этом элемент значения «slight fear» опущен.

Еще один пример:

R. Bach: *The Flock might as well have been stone* [9].

Перевод А. Сидерского: *С таким же успехом Джонатан мог взывать к каменной стене* [10, с. 33].

Перевод Ю. Родман: *Стая будто окаменела* [11].

В трактовке А. Сидерского стая безразлична к герою, безучастна, тогда как у Ю. Родман сочетание «окаменевшая стая» выражает не что иное, как удивление, потрясение. Таким образом, два переводчика, отталкиваясь от одной и той же метафоры в подлиннике, понимают и описывают ситуацию по-разному.

Следующий пример наглядно демонстрирует различия в отношении переводчиков к главному герою:

R. Bach: *... he had to smile at himself* [9].

Перевод А. Сидерского: *...не смог сдержать усмешку в свой адрес* [10, с. 43].

Перевод Ю. Родман: *...не мог не улыбнуться про себя* [11].

Смысловые расхождения очевидны: «улыбнуться про себя» не подразумевает «смеяться над собой». В трактовке Ю. Родман герой, «улыбаясь про себя», расценивает ситуацию как вполне для себя благополучную, тогда как в переводе А. Сидерского та же ситуация явно оказывается поводом для «усмешки в свой адрес», т.е. для иронии и самокритики.

В ходе исследования мы выделили и проанализировали по 17 примеров такого «разного прочтения» оригинала в двух русскоязычных переводах романа Э. Берджеса и по 10 – в двух переводах повести Р. Баха. Проведенный анализ подтвердил, что всякий переводчик, будучи читателем художественного текста, при выборе переводческих решений руководствуется собственным прочтением авторских идей, которое всегда глубоко индивидуально. И в этом смысле создание различных вариантов перевода является, по-видимому, закономерным и неизбежным явлением во взаимодействии культур.

Стремление переводчиков выразить в переводе собственные взгляды и убеждения

Не меньшее влияние на смысловые и стилистические акценты перевода оказывают личностные установки, взгляды и убеждения переводчика. Сравнение оригинала и двух его интерпретаций позволило

нам проследить за тем, как переводчики сознательно или неосознанно привносят в текст смыслы, приистекающие из их собственных убеждений, а не из подлинника.

Так, у переводчиков А. Сидерского и Ю. Родман мы наблюдали значительные расхождения на уровне отношения к самому предмету описания. А. Сидерский, как известно многим русскоязычным поклонникам «духовной литературы», переводил не только книги Ричарда Баха, но и произведения Карлоса Кастанеды, Шри Свами Шивананды, он также является соавтором многих книг по йоге. Андрея Сидерского и Ричарда Баха объединяет общность философско-религиозных взглядов, что, с одной стороны, «приближает» оригинал к переводчику, а с другой – велика вероятность того, что переводчик, опираясь на собственный опыт, захочет как бы «приблизить» текст к своему читателю, добавить к авторским взглядам и мыслям свои собственные. Ю. Родман же переводила самую разную художественную и научно-популярную литературу с английского и французского языков, среди ее известных переводов – «Я математик» Норберта Винера, «Путешествия никогда не кончаются» Робина Дэвидсона и другие. Творческая судьба этого тоже, безусловно, интересного переводчика складывалась совсем иначе, и вряд ли мы в данном случае можем говорить о стремлении – на правах близкого до духу «соавтора» – развить или дополнить идеи подлинника, а тем более привнести в перевод собственные религиозные или философские воззрения.

Технически такое привнесение переводчиком собственных взглядов в текст может выглядеть по-разному. Приведем примеры.

Повесть «Чайка Джонатан Ливингстон» демонстрирует возможности человека, скрыв его под образом чайки. Хорошо понимая и разделяя эту идею автора, А. Сидерский нередко заменяет в переводе даже изначально «птичьей» лексику на антропогенную — то есть использует слова, обозначающие предметы, явления и свойства, однозначно связанные с человеком:

R. Bach: *And for all his effort he moved not a feather width from his spot* [9].

Перевод А. Сидерского: *Однако, несмотря на все усилия, ни на волос не сдвинулся с того места, на котором стоял* [10, с. 59].

Как мы видим, переводчик «очеловечивает» чайку, переводя «feather» («перо») как «волос». Для сравнения отметим, что Ю. Родман предпочла сохранить созданный автором образ птицы и перевела «feather» словом «перышко». В переводе А. Сидерского мы наблюдали 5 случаев использования отсутствующей в оригинале антропогенной лексики, в то время как Ю. Родман к таким заменам не прибегала.

Кроме того, глубоко проникаясь идеями автора, переводчик часто отождествляет себя с героем, мысленно помещает себя в описываемую ситуацию, что неизбежно влияет на выбор лексики – как в следующих примерах из перевода Сидерского:

R. Bach: *Where had he heard that?* [9].

Перевод А. Сидерского: *Интересно, где он об том слышал?* [10, с. 48].

R. Bach: *Jonathan was not alert to listen* [9].

Перевод А. Сидерского: *Джонатан почему-то не обратил на голос никакого внимания* [10, с. 20].

В данных примерах показателем внутренней связи переводчика с предметом описания становится так называемая «включенность в повествование». Эта включенность выражается здесь в появлении отсутствующих в тексте оригинала лексических единиц «интересно», «почему-то». В переводе Сидерского мы выявили 6 подобных примеров.

Понимая, что переводческие трансформации могут быть обусловлены многими причинами, мы, тем не менее, полагаем, что однотипные замены или добавления, используемые одним переводчиком и не используемые другим при работе с одним и тем же текстом, должны иметь экстралингвистическое объяснение. В данном случае они, видимо, вызваны сознательным или неосознанным желанием одного из переводчиков лучше донести до читателя авторскую идею, а также собственную причастность к повествованию.

Сопоставление двух переводов романа Э. Берджеса «Заводной апельсин» также показало, что некоторые переводческие трансформации приводят к изменению смысловых акцентов и, наряду с передачей исходного смысла, выявляют жизненные установки самих переводчиков. Там, где В. Бошняк делает акцент на социальной проблематике, в переводе Е. Синельщикова мы находим религиозно-философские рассуждения:

E. Burgess: *What sort of a world is it at all? Men on the moon and men spinning round the earth like it might be midges round a lamp, and there's not more attention paid to earthly law nor order no more* [6, с. 5].

Перевод В. Бошняка: *Что это за мир такой, я вас спрашиваю! Человек на Луне, человек вокруг Земли крутится, как эти жуки всякие вокруг лампы, и при этом никакого уважения нет ни к закону, ни к власти* [8, с. 19].

Перевод Е. Синельщикова: *Что случилось с миром? Люди летают на другие планеты, мотаются вокруг шарики как мошкара вокруг лампы вместо того, чтобы навести порядок на своей загаженной испрохабленной Земле* [7, с. 19–20].

В трактовке Е. Синельщикова в сочетании “earthly law” на первый план выступает прилагательное “earthly” – «земной», соответственно в переводе появляется Земля как планета, В. Бошняк же делает акцент на слове “law”, причем в его прямом значении – юридический закон. Всего мы обнаружили 15 таких несовпадений в расстановке акцентов.

Важностью для переводчика религиозно-философской составляющей текста, видимо, объясняются и некоторые добавления, связанные с религиозной тематикой, которые Е. Синельщиков вносит в текст своего перевода (6 примеров):

Е. Burgess: *I've been doing nothing I shouldn't, sir* [6, с. 12].

Перевод Е. Синельщикова: *Я чист и непорочен, как святая дева Мария. – Да уж! Ты скорее тянешь на роль кающейся Магдалины* [7, с. 38].

Отметим, что у В. Бошняка этот фрагмент переведен без добавлений (*Я ничего такого не сделал, сэр* [8, с. 38]).

Анализируя тексты двух переводов, мы пришли к выводу, что если у Э. Берджеса и В. Бошняка главные герои скорее отрицают религию и Бога, то у Е. Синельщикова – они глубоко религиозны:

Е. Burgess: *...that was better than any synthemesc Bog or God* [6, с. 11].

Перевод В. Бошняка: *...наслаждение, которое было куда слаще всякого там Бога, рая, синтемеска [наркотик, выдуманный автором книги] и всего прочего...* [8, с. 34].

Перевод Е. Синельщикова: *...мне чудилось, будто разговариваю с самим Господом Богом...* [7, с. 34].

Таким образом, наше исследование подтверждает, что два перевода могут отличаться друг от друга (и во многих случаях от подлинника) не только выбором лексики и синтаксиса, но расстановкой смысловых акцентов и пониманием описываемой ситуации. Во многих случаях эти расхождения происходят из собственных взглядов, убеждений и жизненных установок переводчиков.

Особенности творческой личности переводчиков

Анализируя переводы, мы также убедились в том, что отнюдь не всегда расхождения могут быть объяснены различиями на уровне прочтения текста или убеждений переводчиков. Многие отмеченные нами различия связаны скорее с психологическими параметрами самих переводчиков и особенностями их мироощущения.

Так, сравнивая два перевода романа Э. Берджеса, мы заметили, что Е. Синельщиков более склонен описывать внутренние ощущения героев, в то время как В. Бошняк – внешние события. Например, описывая реакцию главного героя на музыку (*The trombones crunched redgold under my bed, and behind my Gulliver the trumpets three-wise silverflamed, and there by the door the tims rolling through my guts and out again crunched like candy thunder. Oh, it was wonder of wonders. And then, a bird of like rarest spun heavenmetal, or like silvery wine flowing in a spaceship, gravity all nonsense now, came the violin solo above all the other strings were like a cage of silk around my bed. Then flute and oboe bored, like worms of like platinum, into the thick thick toffee gold and silver* [6, с. 11]), оба переводчика прибегают к сравнениям и метафорам, но при этом Бошняк использует лексику, передающую внешние проявления ощущений героя (*золотые струи изливались; искрились пламенные трубы; рокотали ударные; как птица, вытканная из неземных, тончайших серебристых нитей, или как серебристое вино, льющееся из космической ракеты; треща, как изгущечный гром; словно платиновые черви в сладчайшую изобильную plot из золота и серебра* [8, с. 34]), Синельщиков же передает ощущения, либо внутренние, либо получаемые через осязание, прикосновение (*осязаемо чувствовал каждый звук, мог потрогать его рукой, поиграть с ним, как с бабочкой; смычок пронзает мое сердце, путешествует по моим обнаженным нервам; умиротворяет, обволакивает мое лишенное кожи тело подобно материнской плаценте* [7, с. 33–34]). В сходном контексте (*I shivered* [6, с. 9]), там, где В. Бошняк описывает чувства героев с точки зрения стороннего наблюдателя (*«все мельчайшие волоски у меня на теле встали дыбом»* [8, с. 28]), Е. Синельщиков – передает их ощущения «изнутри» (*«Дыхание перехватило, запершило в горле и зацципало в глазах»* [7, с. 29]).

Кроме того, для В. Бошняка характерно использование синонимического ряда или пары синонимов там, где Е. Синельщиков обходится одним определением:

Е. Burgess: *...a rather intolerable pain in the head* [6, с. 12].

Перевод В. Бошняка: *Ужасная, непереносимая головная боль* [8, с. 37].

Перевод Е. Синельщикова: *Страшная головная боль* [7, с. 37].

Или:

Е. Burgess: *I don't want to live anyway, not in a stinking world like this one* [6, с. 5].

Перевод В. Бошняка: *...все равно я не хочу жить, не хочу я жить в таком подлом сволочном мире!* [8, с. 19].

Перевод Е. Синельщикова: *Все равно я не могу жить в этом провонявшемся мире* [7, с. 19].

Нетрудно заметить, что приведенные примеры расхождения между двумя переводами (всего мы насчитали 22 подобных примера) не связаны ни с пониманием авторского замысла, ни с жизненными

убеждениями переводчиков. Однако повторяемость переводческих решений и в этом случае указывает на то, что сделанный выбор, по всей видимости, не случаен, а объясняется личностными особенностями работавших с текстом переводчиков. Опираясь на наши наблюдения, мы можем гипотетически предположить, что Е. Синельщиков – интроверт, кинестетик, флегматик, в то время как В. Бошняк – экстраверт, аудиалист, визуалист и холерик. Однако мы оставляем эти выводы на уровне предположений: ведь чтобы делать уверенные заключения на этот счет, необходим глубокий психологический анализ личности, что невозможно в рамках нашего исследования, да и не является его целью. Тем не менее, отмеченные расхождения подтверждают наличие тесной связи между особенностями переводного текста и параметрами личности его создателя.

Сравнение двух переводов повести «Чайка Джонатан Ливингстон» показывает, что и тут многие расхождения в переводческих интерпретациях обусловлены личным выбором переводчиков, который в свою очередь часто зависит от их характера, темперамента и других психологических характеристик. Так, перевод А. Сидерского отличается повышенной экспрессивностью. Переводчик соперничает герою и отождествляет себя с ним, как если бы он был активным участником событий – по всей видимости, это выдает в нем экстраверта. В ходе исследования мы выявили 31 пример повышения экспрессивности, которая выражается в снижении стиля, использовании экспрессивной конкретизации, парцелляции, большого количества эмфатических междометий. Вот два примера снижения стиля (для сравнения также приводим перевод Ю. Родман):

R. Bach: *At last you've got the idea* [9].

Перевод А. Сидерского: *Наконец-то до тебя дошло* [10, с. 60].

Перевод Ю. Родман: *Наконец-то ты понял* [11].

Или:

R. Bach: *I don't care what they say* [9].

Перевод А. Сидерского: *И плевать, пусть болтают, что хотят* [10, с. 69].

Перевод Ю. Родман: *Мне все равно, что они говорят* [11].

В обоих примерах у А. Сидерского мы видим снижение стиля до грубовато-разговорного, тогда как у Ю. Родман никаких стилистических изменений не наблюдается, лексика нейтральна, как и в подлиннике. Тот факт, что переводчик А. Сидерский стремится сделать речь героев более живой и разговорной (всего нашлось 11 подобных примеров), с высокой долей вероятности указывает на экстравертный тип, характеризующийся эмоциональностью, открытостью и коммуникабельностью.

Таким образом, анализ расхождений между двумя переводами одного и того же текста подтвердил, что переводческие трансформации далеко не всегда объясняются лингвистическими причинами, а могут быть обусловлены особенностями понимания переводчиком авторского замысла, сознательным или неосознанным стремлением выразить собственные взгляды и убеждения в тексте перевода, а также личностными параметрами переводчика.

Кроме того, наше исследование, как нам представляется, демонстрирует перспективность выбранного метода исследования как эффективного инструмента для дальнейшего изучения процесса перевода. Следует отметить, что обо всех причинах наблюдаемых расхождений в переводах мы судили по тем изменениям, которые переводчики привносили в свои тексты по сравнению с текстом оригинала. По большей части это были различные грамматические, лексические, стилистические трансформации – те же самые, которые изучаются в любом курсе переводоведения или теории перевода и, как правило, рассматриваются в рамках этих курсов как результат несоответствий в структурах исходного и переводного языков. Наше исследование показывает, что если необходимость *какой-либо* трансформации текста при переводе может диктоваться объективными межъязыковыми расхождениями, то характер этой трансформации, выбор используемых в переводе языковых средств часто определяется субъективными факторами, важнейшими среди которых оказываются понимание переводчиком авторского замысла, стремление «самовыразиться» через перевод и личностные (психологические) параметры переводчика. Мы, разумеется, понимаем, что проведенное исследование охватило далеко не все субъективные факторы, которые могут воздействовать на результат перевода: так, не рассматривалось влияние социального окружения переводчика, переводческой школы, к которой принадлежит каждый из переводчиков, личного отношения к описываемым событиям и героям, не учитывался гендерный аспект перевода. Но мы уверены, что и при изучении этих аспектов сравнение двух переводов окажется одним из самых эффективных исследовательских инструментов.

Библиографический список

1. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. — М.: Валент, 2006. — 216 с.
2. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е.В. Бреус. — М.: Изд-во УРАО, 2002. — 208 с.

3. Белянин В.П. Психологические аспекты художественного текста / В.П. Белянин. — М.: Изд-во Московского университета, 1988. — 123 с.
4. Ротенберг В.С. Психофизиологические аспекты изучения творчества / В.С. Ротенберг // Художественное творчество: сборник. — Л., 1982. — С. 53–72.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
6. Burgess E. A Clockwork Orange / E. Burgess [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые данные (2184192 bytes). — Режим доступа: <http://www.litru.ru/index.html?book=39581&description=1>, Saturday, 17 January 2009 13:38:02.
7. Берджес Э. Заводной апельсин: исповедь хулигана: роман / Э. Берджес; автор. пер. с англ. Е.Г. Синельщикова. — Бишкек: Литфонд писателей Кыргызстана, 1991. — 176 с.
8. Берджесс Э. Заводной апельсин: роман / Э. Берджесс; пер. с англ. В. Бошняка. — Л.: Художественная литература, 1991. — 160 с.
9. Bach R. Jonathan Livingston Seagull / R. Bach [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые данные (56 203 bytes). — Режим доступа: <http://lib.ru/RBACH/seagullengl.txt>, Saturday, 17 January 2009 13:55:00.
10. Бах Р. Чайка Джонатан Ливингстон: повесть / Р. Бах; пер. с англ. А.В. Сидерского — М.: София, 2007. — 112 с.
11. Бах Р. Чайка Джонатан Ливингстон: повесть / Р. Бах; пер. с англ. Ю.С. Родман [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые данные (79 525 bytes). — Режим доступа: <http://lib.ru/RBACH/seagull.txt>, Saturday 17 January 2009 14:08:17.
12. Wilss W. Kognition und Übersetzen: Zur Theorie und Praxis der menschlichen und der maschinellen Übersetzung / W. Wilss. — Tübingen: Niemeyer, 1988. — 306 s.
13. Калашникова Е.В. По-русски с любовью: беседы с переводчиками / Е.В. Калашникова. — М.: НЛЮ, 2008. — 604 с.

Поступила в редакцию 29.01.2009 г.